

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ

Серия основана в 1975 г.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РОССИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *А.Х. Элерт*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
2016

Этим и другим работам Н.Н. Покровского присущи пристальное внимание к трактовке документального материала, часто впервые вводимого в изучение, филигранные источниковедческие наблюдения, новые, оригинальные выводы, что обеспечило его научным трудам фундаментальность и свое место в историографии.

Следует остановиться на новаторской, по моему мнению, монографии В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, двух учеников М.Н. Тихомирова²⁸. Они объединили творческие усилия в постановке и исследовании существенной проблемы для познания характера государственности России XVII в. и роли местных сибирских сословно-представительных организаций. В центре внимания ученых находилась сфера общественного мировоззрения разных сословных сообществ сибирского населения, которое выражалось в традиционных земско-мирских понятиях и реализовалось в соответствующих порядках, что вело, в свою очередь, к устойчивому взаимодействию миров с местной воеводской и центральной ветвями власти при активно существовавшей между ними обратной связи. Книга написана единомышленниками, и тексты соавторов органично вписаны в главы и их разделы. Все же в авторстве каждого можно сориентироваться, опираясь на их научные труды. Н.Н. Покровскому с большой очевидностью принадлежат обширные тексты в главах V–VII о конфликтах миров с воеводской властью, о старообрядческом потоке в вольнонародной колонизации²⁹. В этих разделах и в других частях книги ранее сделанные в рассмотренных выше монографиях наблюдения расширены и углублены, дополненные другими источниковыми данными обрели иные трактовки и решения, полученные результаты и выводы осмыслены в другом проблемном ракурсе, главное же, исследование реализовано в новом концепционном ключе.

Ценно, что из книг Н.Н. Покровского предстает лаборатория ученого, проступает сам процесс создания ткани исследования. В каждой из них в зависимости от рассматриваемой темы ученый убедительно восстанавливает обстановку тех или иных происшедших жизненных эпизодов и фактов. Отличительный признак его работ состоит и в том, что в них присутствует ясно выраженная, активная позиция автора и его сопричастность к изучаемым событиям далекого прошлого. При этом авторская рефлексия на источниковый материал и на его содержание органично пронизывает контекст книг, что отсутствовало в литературе 1970–1980-х гг.

²⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. Краткую характеристику монографии см.: Швейковская Е.Н. Основные проблемы в исследованиях В.А. Александрова (к 80-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 215–216.

²⁹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 171–350.

В.М. ЛУРЬЕ

ПОЧЕМУ «СЛАВЯНСКИЙ» ЕНОХ ОКАЗАЛСЯ В НУБИИ?

д-р филос. наук,
Государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург
e-mail: hieromonk@gmail.com

Обнаружение коптских фрагментов 2 Еноха в Нубии и наблюдения над особенностями перевода пространной славянской редакции 2 Еноха позволяют сделать вывод о том, что это произведение в VI–VII вв. сохраняло авторитетность для одного из монофизитских движений того времени, последователей патриарха Антиохийского Павла Бет-Уккаме. Славянская краткая редакция появилась в качестве перевода с греческого, а пространная редакция была создана на ее основе позднее путем перевода с сирийского тех частей пространной редакции, которые не вошли в краткую. Перевод обеих редакций на славянский следует соотносить с активностью сирийских миссионеров, которые наследовали указанной монофизитской традиции, но сами принадлежали уже другой эпохе.

Ключевые слова: 2 Енох, Нубия, славянские апокрифы, сирийские монофизиты.

В 2009 г. Йоост Хаген идентифицировал текст 2 («славянско-го») Еноха в коптских пергаментных фрагментах из раскопок кафедрального собора города-крепости Каср-Ибрим в Нубии (точнее, в Нобатии – самом северном из трех средневековых нубийских государств, пограничном с Египтом)¹. Коптский текст соответствует, хотя и без абсолютной точности, славянской краткой редакции. Сами коптские фрагменты сейчас утеряны: они должны были бы храниться в одном из музеев Египта, но попытки Йооста Хагена их там найти оказались безуспешными; остается надеяться, что они все же сохранились где-нибудь в неразобранных музейных завалах, а не потеряны навсегда. Сейчас в распоряжении ученых – только хорошего качества черно-белые фотографии, сделанные британскими архео-

¹ Hagen J.L. No Longer «Slavonic» Only: 2 Enoch Attested in Coptic from Nubia // New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only / eds. A.A. Orlov, G. Boccaccini. Leiden, 2012 (Studia Judaeslavica, 4). P. 7–34. Благодаря чрезвычайной любезности Йооста Хагена я имел возможность ознакомиться с идентифицированными им текстами.

© Лурье В.М., 2016

логами сразу после обнаружения рукописи в 1972 г., и того же времени рукописные заметки (расшифровки текста) руководителя британской археологической экспедиции и выдающегося коптолога Джека Мартина Пламли (J.M. Plumley, 1910–1999). Точной датировке фрагменты не поддаются, приблизительная – VI–VIII вв.

Публикация коптских фрагментов по доступным материалам сейчас готовится Йоостом Хагеном.

Может ли нубийская находка пролить свет на происхождение славянской версии 2 Еноха? Мне представляется, что может². Но сначала нужно сказать несколько слов о других не очень давних достижениях науки в изучении 2 Еноха.

Славянский текст 2 Еноха дошел до нас в двух редакциях, так называемых пространной (три списка) и краткой (шесть списков); к этим же редакциям, как считается, восходят более или менее переработанные фрагменты 2 Еноха в некоторых произведениях древнерусской письменности³. Списки внутри каждой из редакций имеют довольно существенные отличия между собой, так что есть основания различать субредакции. Так, три рукописи пространной редакции представляют две субредакции (1 vs. 2 рукописи).

Основоположники изучения 2 Еноха, Матвей Иванович Соколов (1855–1906) и Андре Вайян (1890–1977), полагали, что 2 Енох оставил следы в Византии. Оба доказывали это сходством отдельных фрагментов пространной (но не краткой) редакции 2 Еноха и полемического византийского произведения XIII в. Прения Панагиота с Азимитом (Соколов интерпретировал этот факт как цитирование 2 Еноха в Прении, а Вайян – противоположным образом – как неточное цитирование славянского перевода Прения в пространной редакции 2 Еноха, сложившейся, как он полагал, на славянской почве). Однако не так давно третий «классик» в области изучения 2 Еноха, Френсис Андерсен, показал, что пространная редакция 2 Еноха (в соответствующих частях текста) и Прение восходят к общему еврейскому источнику, который подвергся в них разной степени аккомодации к средневековым хрис-

тианским традициям (во 2 Енохе эта степень меньше, в Прении – больше)⁴; в состав 2 Еноха соответствующие тексты могли бы войти как на славянской почве, так и в Византии. Так что никаких доказательств прямой связи пространной редакции 2 Еноха и Прения не существует. Поскольку «прибавления» в пространной редакции сравнительно с краткой не являются результатом единовременной правки, а отражают многоэтапный процесс, то данное пересечение 2 Еноха с Прением не сообщает ничего принципиально важного о бытовании 2 Еноха в Византии или хотя бы о истории пространной редакции как таковой. Следов же самого 2 Еноха в Византии – вопреки Соколову и Вайяну – нет никаких.

Вопрос о сравнительном приоритете двух редакций решается исследователями по-разному. М.И. Соколов считал краткую редакцию сокращением пространной уже на славянской почве, но Андре Вайян, а за ним, в наши дни, Л.М. Навтанович⁵ рассудили противоположным образом. Обнаружение в коптской версии именно краткой редакции окончательно опровергает гипотезу Соколова в части происхождения краткой редакции (мы теперь достоверно знаем, что она возникла не на славянской почве), но не предопределяет решение вопроса о приоритете одной из редакций. В своей интуиции о первичности пространной редакции Соколов мог быть прав даже и в том случае, если он ошибся в предположении о славянском происхождении редакции краткой.

Сторонники первичности краткой редакции (Вайян и Навтанович) настаивают на происхождении пространной редакции на славянской почве. При этом они, ограничивая свое исследование рамками славянской филологии, никак не учитывают содержание тех разделов пространной редакции, которые не вошли в краткую (и не имеют параллелей в Прении Панагиота с Азимитом). Это довольно сложные космологические и календарные построения, содержание которых, разумеется, не может быть раскрыто филологическим анализом⁶. Поэтому выводы Вайяна и Навтанович не убеждают никого

² Свои представления я изложил подробно: *Lourié B. Slavonic Pseudepigrapha, Nubia, and the Syrians* (в печати). Здесь я скажу о них лишь в общих чертах, сделав основной акцент на их связи с методологическими (прежде всего) проблемами современной науки.

³ Удобное издание всего этого рукописного материала, включающее *editio princeps* самой лучшей рукописи пространной редакции J: Grant Macaskill. *The Slavonic Texts of the 2 Enoch*. Leiden, 2013 (*Studia Judaica*, 6). Критическое издание готовит Л.М. Навтанович.

⁴ *Andersen F.I. The Sun in 2 Enoch, Book of the Secrets of Enoch* // Христианский восток. 2002. Т. 4 (10). Р. 380–412; перепечатано в: *L'Église des deux Alliances. Mémorial Annie Jaubert (1912–1980)* / eds. M. Petit, B. Lourié, A. Orlov. Piscataway. N.J., 2012. Р. 1–38.

⁵ Главным ее трудом остается до сих пор неопубликованная кандидатская диссертация: *Л.М. Навтанович. Лингвотекстологический анализ древнеславянского перевода книги Еноха*. СПб., 2000.

⁶ Подробный анализ астрономии и литургического календаря 2 Еноха см.: *Lourié B. Calendrical Elements in 2 Enoch* // *New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only*. Р. 191–219.

из специалистов по иудаизму эпохи Второго Храма, которые изучают содержание 2 Еноха в обеих редакциях⁷.

«Дополнения» пространной редакции по отношению к краткой содержат главным образом такие космологические и календарные подробности, которые не могли быть известны или хотя бы понятны не только никому в славянском мире, но и в Византии. Византийская цивилизация – в отличие от другой средневековой христианской цивилизации, эфиопской – отказалась от идеи адаптировать календарно-космологические представления иудейской апокалиптики периода Второго Храма (в свою очередь, восходящих к месопотамской астрономии) и, вместо этого, просто целиком их отбросила.

Добавление подобных разделов на славянской или пусть даже византийской почве представляется невероятным. Поэтому вся пространная редакция 2 Еноха выглядит – если оценивать ее содержание – как еврейский текст периода Второго Храма (безотносительно к языку оригинала, которым мог быть как еврейский и/или арамейский, смешанные в любой пропорции, так и греческий). Впрочем, идентификация пространной редакции как еврейского текста все равно не предопределяет решение вопроса о первичности одной из редакций, но лишь делает гипотезу о первичности редакции пространной более вероятной: естественно предположить, что текст был освобожден от обременительных своей непонятностью космологическо-календарных подробностей еще в ранневизантийское время и в таком виде получил более широкое распространение – в том числе и в коптском переводе, который был сделан с греческого языка. Нельзя, однако, исключить и противоположного: пространная редакция создавалась путем расширения краткой редакции, но это происходило еще в иудейской среде периода Второго Храма.

Сторонники «расхождения» двух редакций еще прежде их попадания на славянскую почву, естественно, склонны представлять происхождение двух славянских редакций как двух разных переводов, сделанных с разных оригиналов. Но такое решение оказывается проблематичным, так как переводы совпадающих частей обеих редакций чрезвычайно близки. Л.М. Навтанович настаивает, что это один и тот же перевод⁸. Не все ее аргументы одинаково убедитель-

⁷ См. обзор соответствующих дискуссий: Böttrich Ch. The Book of the Secrets of Enoch (2 En): between Jewish Origin and Christian Transmission. An Overview // New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden, 2012. P. 37–65.

⁸ В настоящее время Л.М. Навтанович признала недостаточную убедительность части своих аргументов, приведенных в диссертации, но продолжает настаивать на своем выводе на основании оставшихся аргументов; см.: Navtanovich L. The Provenance of 2 Enoch: a Philological Perspective. A Response to C. Böttrich's Paper «The Book of the Secrets of Enoch (2 En)...» // New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden, 2012. P. 66–82.

ны, поскольку надо теоретически допустить возможность того, что один из двух независимых переводов был впоследствии отредактирован по-другому. Тем не менее сама идея тотального редактирования одного перевода не только для исправления возможных смысловых погрешностей, но и для чисто стилистической унификации с другим представляется несколько противоестественной и беспрецедентной. Более естественно предположить, что Л.М. Навтанович права в своем выводе, несмотря на некоторую недостаточность аргументации. Но если обе редакции 2 Еноха представляют один и тот же перевод, то тогда непонятно, как быть с «расхождением» редакций еще прежде попадания на славянскую почву.

Таковы, вкратце, проблемы происхождения 2 Еноха, как они стали выглядеть по состоянию на 2009 г., сразу после идентификации коптских фрагментов и большого международного семинара (Fifth Enoch Seminar), который летом того же года собирался под Неаполем специально для обсуждения проблем 2 Еноха⁹.

К счастью, текст 2 Еноха включает в себе достаточное количество проблем, чтобы через их разрешение можно было надеяться на дальнейший прогресс в наших знаниях о происхождении славянского перевода. В частности, это «аномальные» названия еврейских месяцев, присутствующие только в пространной редакции, а именно, *теведа* (2 Ен. 48: 2, дважды), *цивана* (2 Ен. 48: 2; 68: 1, 3), *ницана* (2 Ен. 68: 1) вместо ожидаемых *тевета* (с возможными также *ѳ* и *ф* на месте последнего *т*), *сивана*, *нисана* (все названия – только в родительном падеже).

До недавнего времени они не имели вообще никакого объяснения, поскольку при транслитерации по цепочке еврейский → греческий → славянский озвончение *t* и переход глухого сибиллянта *s* в аффрикату *ts* (или эмфатический *š*) невозможны. Я указал на возможность их объяснения через предположение о том, что славянский переводчик транслитерировал с сирийского, но такого сирийского, который сам уже был переводом с греческого. Озвончение *t* при прямой транслитерации с сирийского на славянский уже раньше было отмечено в Повести об Акире Премудром (Адорь вместо ожидаемого Аторь) и объяснено орфоэпическими правилами некоторых арамейских диалектов¹⁰. Переход *s* > *š* иногда возможен в сирийском при транслитерации греческих слов.

⁹ Труды этого семинара изданы в сборнике «New Perspectives on 2 Enoch. No Longer Slavonic Only» и (краткие сообщения) в специальном выпуске итальянского журнала «Enoch». 2011. Vol. 33.

¹⁰ Lourié B. The Syriac Aḥiqar, Its Slavonic Version, and the Relics of the Three Youths in Babylon // Slovène. 2013. Vol. 2, N 2. P. 64–117.

Если совместить это предположение с выводом Л.М. Навтано-вич о том, что пространная и краткая редакции 2 Еноха представляют один и тот же перевод, то вырисовывается следующая картина: сначала на славянской почве появляется краткая редакция, переведенная с греческого; потом создается пространная редакция – путем дополнения готового перевода краткой редакции за счет сирийской версии пространной редакции; дополнения переводятся напрямую с сирийского.

Эта картина хорошо совмещается и с тем, что известно о славянских переводах с сирийского, и с известными закономерностями истории текстов на христианском Востоке. С сирийского на славянский переводилось то, чего нельзя было найти на греческом¹¹. А на христианском Востоке исчезновение текстов из рукописной традиции обычно происходило так, что утраченные на греческом произведения еще продолжали жить в своих восточных версиях (в том числе и в славянских)¹². Поэтому если пространная редакция 2 Еноха была утрачена на греческом языке, то на сирийском она вполне могла сохраняться еще несколько «лишних» веков.

Важнейшая загадка, связанная с историей славянского 2 Еноха, состоит в том, что это произведение имело у славян необычайно высокий статус. Об этом говорит как включение его в авторитетный свод библейских толкований, Толковую палею (несмотря на отсутствие этого произведения в ее византийском оригинале, который до нас дошел по-гречески), так и пространное цитирование 2 Еноха в качестве авторитетного источника права (в русском Мерице праведном и некоторых других документах). Такое отношение ко 2 Еноху было бы естественным, если бы перевод можно было атрибутировать Кириллу и Мефодию, их непосредственным ученикам или хотя бы Преславской или Охридской школам перевода. Но такая атрибуция затруднительна. Относительно произведений, отбравшихся для перевода на славянский в IX–X вв., мы знаем, что в общем они соответствовали составу хорошей библиотеки большого византийского монастыря¹³. Это исключает выбор для перевода

таких псевдоэпиграфических произведений, которые к тому времени либо вообще не имели распространения в Византии, либо имели распространение весьма ограниченное. Поэтому даже и независимо от вопроса о языке, с которого делался славянский перевод, возникает вопрос об источнике текста: что это за источник, если им не могла быть византийская церковная традиция IX–X вв.?

Изложенные выше соображения по истории текста 2 Еноха указывают на одну из – примерно десятка – не византийских традиций, в которых параллельно использовались греческий и сирийский языки; за малым исключением, все эти традиции монофизитские¹⁴. Про самые распространенные и поэтому самые известные нам сейчас из этих традиций мы можем повторить приблизительно то, что нам известно о традиции византийской: для них также 2 Енох, да еще в столь авторитетном статусе, едва ли возможен. Это касается во всяком случае традиций сироязычных мелкитов (бывших в церковном единстве с Византией), Антиохийской Церкви Востока («несториан», впрочем, довольно рано прекративших пользоваться греческим языком, – едва ли не в VI в.) и яковитов (сформировавшейся в середине VI в. фракции монофизитов-севириан, которая оказалась самой жизнеспособной). Об остальных сирийских традициях в связи с нашей темой долгое время нельзя было сказать ничего – прежде находки в Нубии.

В Нубии христианские церкви пользовались тремя языками, но как раз сирийского среди них не было: греческим, коптским (*lingua franca* для этих мест) и местным нубийским. 2 Енох обнаружен на коптском, точнее, на саидском диалекте коптского, который стал в VI в. общепринятым вторым, после греческого, церковным языком Египта. При этом в самом Египте или в церковно с ним тесно связанной Эфиопии ни малейших следов 2 Еноха не обнаруживается. Из этого можно сделать вывод о том, что собственная христианская традиция коптов, которая стала монополюющей для Коптской Церкви уже после арабского завоевания Египта во второй половине VII в., а сформировалась она в качестве одной из традиций коптского монофизитского христианства еще в конце VI в. (при коптском патриархе Александрии Дамиане, 577/578–606/607), не принимала 2 Еноха.

доп. для русского перевода / пер. А.В. Назаренко; под ред. К.К. Аментьева. СПб., 1997 (Subsidia Byzantinorossica, 1). С. 110–127; Podskalsky G. Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien. München, 2000. S. 865–1459.

¹⁴ История разделений между монофизитами и человека русской культуры неизбежно вызывает радость узнавания: все это так похоже на разделения внутри нашего старообрядчества... О разделениях монофизитства до VII в. включительно см.: Лурье В.М. История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006.

¹¹ Lourié B. Direct Translations into Slavonic from Syriac: a Preliminary List // FS Mario Capaldo [предварительное название] / eds. C. Diddi et al. (в печати).

¹² Peeters P. Orient et Byzance. Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine. Bruxelles, 1950 (Studia hagiographica, 26).

¹³ Thomson F.J. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the 10th to 13th Centuries and Its Implications for the Russian Culture // Slavica Gandensia. 1978. Vol. 5. P. 107–139; репринт в: Idem, The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia. Aldershot, 1999 (Variorum Collected Studies Series, CS 590), ch. I и Addenda. P. 1–4; ср.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). 2-е изд., испр. и

Впрочем, коптская традиция монофизитства, сформированная при патриархе Дамиане, не была допущена в Нубию до самого конца VII в., если не позже. Поэтому мы можем смело атрибутировать коптский текст 2 Еноха какой-то другой монофизитской традиции, распространенной среди коптов. А тогда выбор становится очень прост.

Нубия обратилась в христианство в VI в. В то время она состояла из трех государств: перечисляя с севера на юг вдоль Нила, это Нобатия, Макурия и Алодия. Нобатия граничила с Египтом, а Алва — с Эфиопией. 2 Еноха нашли в Нобатии.

Нобатия и Алодия были единственными в мире государствами, где победило особое направление монофизитства — «павлианство», названное так современниками по имени их формального лидера монофизитского патриарха Антиохии Павла Бет-Уккаме (564–581). Одним из основателей этого движения был первый епископ Нобатии Лонгин, обративший в свою веру также и Алодию. Это движение было не исключительно, но преимущественно сирийским. Лонгин сирийцем не был, но сирийцами были, например, поставленный им патриарх Александрии Феодор и епископ Эфесский Иоанн — один из лидеров движения, автор «Церковной истории» и других произведений, написанных по-сирийски. За пределами Египта и Нубии для движения было характерно греко-сирийское двуязычие.

Коптский перевод 2 Еноха, кем бы и когда бы он ни был сделан, мог быть занесен в Нубию только «павлианами». Но те же «павлиане» едва ли могли обойтись и без сирийского перевода, следы которого мы и обнаруживаем в пространной редакции славянской версии.

В VII в. движение «павлиан» полностью или частично размывается; следы его отдельного существования в этом веке уже не обнаруживаются. Есть, однако, основания полагать, что те сирийские миссионеры, которые пришли к славянам, сохраняли в своей традиции наследие «павлиан». Но это тема другого исследования¹⁵.

¹⁵ В основном, представленного мною в: *Louricé B. The Slavonic Solunskaja Legenda («The Thessalonican Legend») and Its Syriac Original // The Syriac Voice in the Dialogue of Cultures: Syriac, Persian, Caucasian, and Slavonic Interlocutors / eds. C.B. Horn, C. Villagomez; Warwick (Eastern Mediterranean Texts and Contexts) (в печати).*

Л.И. ЖУРОВА

«СОБОРНИК» МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АВТОРСКИХ СВОДОВ XVI в. (ФУНКЦИИ ПРЕДИСЛОВИЙ И ЗАГЛАВИЙ)*

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: zhurova@ngs.ru

В статье на материале «Устава» Нила Сорского, «Просветителя» Иосифа Волоцкого, «Соборника» митрополита Даниила, прижизненных кодексов Максима Грека анализируются основные тенденции в творческом процессе создания средневековых авторских сводов. Наиболее выразительными элементами их формы надо признать предисловия к таким сборникам и заголовки сочинений. «Соборник» выделяется наличием двух видов вводного слова автора — Предисловия и Вступления. Выявленные принципы организации авторских кодексов XVI в. позволили проследить их движение в публицистике позднего русского Средневековья и определить место «Соборника» Даниила на переходе от опоры достоверного знания к личному наследию.

Ключевые слова: церковные писатели, авторские своды, сборник, предисловие, заглавие, «Устав» Нила Сорского, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, «Соборник» митрополита Даниила, прижизненные кодексы Максима Грека.

Составление сборников сочинений самими писателями — знаковое явление в русской публицистике первой половины XVI в. «Устав» Нила Сорского, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, «Соборник» митрополита Даниила, кодексы сочинений Максима Грека, представляющие динамичную систему собранных текстов, открыли одно из перспективных направлений древнерусской книжности. В произведениях церковных писателей знания о мире систематизированы путем выстраивания связей между фактами, концепциями, ассоциациями и словами, что составляет их семантическую память¹. Сборники русских публицистов XVI в. отличаются коэффи-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ (№ 15-04-00503).

¹ *Tulving E. Memory and consciousness // Canad. Psychol. 1985. N 26. P. 1–12; Смирнов И.П. О древнерусской культуре. Л., 1977. С. 155.*